
ТЕОРИЯ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ОТКРЫТАЯ СИСТЕМА

В.М. Березин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье разрабатываются пути рассмотрения теории массовой коммуникации, включая ее современные направления как открытой системы, вбирающей как западные и отечественные, так и восточные концепции и подходы. Большое внимание уделяется вкладу отечественных мыслителей в развитие взглядов на диалогическую коммуникацию, принципам страгемного мышления восточных философов и их использованию в современных теориях массовой коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, семиотика, трансакция, игра, страгемность мышления, социальное действие, соборность, диалог культур.

На наш взгляд, нельзя брать только послевоенные годы за точку отсчета теории массовой коммуникации. Именно теории, а не теории МК, как обозначают предмет исследования некоторые ученые. После 1945 г. в результате расширения в США финансирования научно-технических проектов как военного, так и мирного направлений резко возросла общетеоретическая отдача этой работы. Были сделаны, в частности, существенные выводы в классификации элементов, каналов и принципов прохождения сигналов в системах производственно-технической и социально-массовой коммуникации (работы Н. Винера, У. Шрамма, К. Шеннона, У.Р. Эшби, С. Бира и др.).

Нельзя брать этот период за основную точку отсчета хотя бы потому, что работы ряда американских социологов (например, Г. Лассуэлла), в которых разрабатывались вопросы социологии массовой коммуникации, были опубликованы еще до войны, в 1920—1930-е гг. В эти же годы в СССР получили кратковременное развитие социолого-психологическое, культурологическое и лингвистическое направления в общественных науках, которые прямо выходили на проблемы массовой коммуникации, как они стали трактоваться позднее. Может быть, потому, что большинство работ таких мыслителей, как П. Флоренский, В. Вернадский, Л. Выготский, М. Бахтин, Р. Якобсон, работы Московско-Тартусской семиотической школы во главе с Ю. Лотманом были опубликованы только в 1950—1960-е гг., теория массовой коммуникации со своей технократической основой получила дополнительное гуманистическое направление.

Следует сказать, что работы 1920—1930-х гг. в СССР опирались на труды русских философов и социологов, разрабатывавших в том числе и вопросы философской гносеологии, социальной психологии, теории информации в XIX и в начале XX в. Это были П. Чаадаев, А. Хомяков, П. Флоренский, С. Трубецкой и, разумеется, Н. Федоров и В. Соловьёв.

Подобную преемственную историческую цепочку можно провести и в западной философии, продлив ее, например, до «Риторики» Аристотеля и средневеко-

вого труда Аврелия Августина «О христианском учении», где заложены основы учения о знаках, провозвестника семиотики. В дальнейшем к проблеме знака и значения обращались в XVIII в. аббат Дю Бо (Франция), Т. Гоббс (Англия), к проблеме системы элементов массовой коммуникации и, как мы выразились бы сейчас, к проблеме эффекта цели коммуникации, Ян Амос Коменский (XVII в.).

Если говорить о преимуществах в семиотических западных учениях, то, создавая новую науку, Ч. Моррис во многом опирался на работы Ч. Пирса (1839—1914). В частности, Ч. Моррис сам указывал в своей работе «Знаки, язык и поведение», что в основу книги положена мысль Ч. Пирса о том, что определение значения знака сводится к определению привычек, которые он производит. С такой же уверенностью сам Ч. Пирс мог сказать, что мысль эту о становлении групп знаков по тем привычным сигналам, которые с ними связаны, высказал Аврелий Августин в уже названном трактате, который он писал с 396 по 426 г. [1. С. 66—69].

Таким образом, любая теория не создается в одночасье, она является *открытой* для новых вливаний системой, и для проникновения этих дополнений, вливаний и новых исследовательских инициатив нет ни временных, ни географических (национальных), ни даже мировоззренческих границ.

Одним из аргументов к этому положению является научный поиск выдающегося востоковеда академика В.С. Мясникова, направленный на установление связей европоцентристской теории истории цивилизаций и теории коммуникации, в частности, с древнейшими выводами китайской философии. В своем предисловии к книге Харро фон Зенгера он приводит цитату из известной книги Э. Берна «Игры, в которые играют люди, и люди, которые играют в игры», низводя новейшие, казалось бы, концепции в области психологии массовой коммуникации к Древнему Китаю. В современной психологии, пишет он, родились понятия: транзакция — единица общения; процедуры, ритуалы и времяпрепровождения — простейшие формы общественной деятельности. Наконец, было сформулировано само определение игр. Игрой стала называться *серия следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом*. Это был повторяющийся набор порой однообразных транзакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох. Игры, как объясняли психологи массмедиа, отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождения двумя основными характеристиками: скрытыми мотивами; наличием выигрыша.

Блестящие открытия, пишет далее В.С. Мясников, современных психологов страдают одним, отнюдь не умаляющим их значения недостатком: нынешние психоаналитики и не подозревали, что они описали явление, бывшее в течение тысяч лет достоянием китайской философии.

В системе ценностей китайской цивилизации то, что ныне названо «играми», было разработано и внедрено в повседневную жизнь еще за несколько столетий до начала нашей эры. «Причем я хочу подчеркнуть, что стратагемность мышления и поведения — а именно это понятие эквивалентно понятию игры — относится

к характерным особенностям именно китайской цивилизации, достижениям ее философской и политической мысли. Этот феномен, имплицированный в общественное сознание, с веками, перейдя национальные границы, отразился и на политической и общественной культуре многих восточноазиатских стран. И только теперь начинают соединяться традиционные китайские научные представления о человеке и его возможностях с данными европейской науки» [2].

Мысль о возможном простирании исходных границ изучения коммуникативности человека и общества в глубокую древность высказывал представитель Анненбергской школы коммуникаций при Пенсильванском университете Дж. Гербернер. Еще в 1967 г. эта школа, представители которой считали телевидение главным культурным оружием общества, приступила к серии исследований содержания телепередач и их воздействия на массовую аудиторию по программе «Профиль насилия». Эта мысль заключается в том, что любое общество всегда имело и имеет свою коммуникационную систему, так как человек представляет собой коммуникационное существо, но только в XIX в. возникли общества, организованные вокруг систем массовых средств связи [3. С. 166].

Что касается конкретных вкладов русских мыслителей в теорию массовой коммуникации, какой она стала теперь, то назовем их несколько (в исторической последовательности). Как известно, крупнейший западный социолог М. Вебер выдвинул положение о социальном действии, которое далее развил современный немецкий социолог Ю. Хабермас, трактуя социальное действие прежде всего как коммуникативное действие. М. Вебер классифицировал социальные действия как целерациональные, ценностнорациональные, аффективные и традиционные. Данная концепция, можно сказать, вытекает из фрагмента П.Я. Чаадаева, касающегося Апокалипсиса и истории Крестовых походов. Последние, пишет он, в любом случае были необходимы. «Во-первых, без них не могло бы образоваться новое общество. Далее, без этого поучительного деяния человеческому разуму не доставало бы величайшего примера возможного воодушевления религиозным чувством и не было бы истинной меры для великого двигателя всех дел на этом свете. Наконец, без этого грядущие поколения не имели бы воспоминания великого, необходимого, исполненного поучения и удивительно плодотворных мыслей» [4. С. 452]. Если мы выделим системообразующие элементы этого умозаключения, то это будут *цель, ценность, эмоция, традиция*.

Самобытное понимание общения и *со*-общения людей явили миру наши славнофилы в середине XIX в., разработав концепцию соборности. Соборный разум — это центральное понятие их гносеологии, противопоставлявшееся ими западному «отвлеченному разуму». Соборность, по А. Хомякову, — это «волящий разум», «живознание», по И. Киреевскому — «верующее мышление». Последний трактовал соборность как «средоточие умственных сил, где все определенные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство» [5. С. 201]. Как не хватает России ныне такого единства! И как далеки ее средства массовой коммуникации от такой соборной коммуникации! Сейчас вновь стали актуальными

слова еще одного русского философа — С.Н. Булгакова, сказанные им в 1910 г.: «Нам приходится стоять перед лицом мощной западной культуры в полном ее расцвете, нам необходимо, кроме того, учиться у нее, известным образом усваивать ее...» И мысль свою он закончил словами о необходимости стремления к самобытности, но, конечно, «на основе творческого усвоения мировой культуры и общения к ней» [6. С. 52—53]. Об этом же писал и А.С. Хомяков: «Каким-то образом чужие понятия расстраивали нас с своими собственными. Мы отложили работу о совершенствовании всего своего, ибо в нас внушали любовь и уважение только к чужому, — и это стоит нам нравственного уничтожения. Родной язык не уважен; древний наш прямодушный нрав часто заменяется ухищрением; крепость тела изнеживается; новость стала душой нашей; переимчивость овладела нами...» [7. С. 155].

Рассматривая проблему коммуникативных процессов в ключе социологических и публицистических взглядов А.С. Хомякова, можно было бы выделить целый ряд направлений ее исследования [8. С. 511— 516].

Можно было бы рассмотреть коммуникацию в историософском ключе, т.е. как сообщение исторических опытов человечества. Здесь имя А.С. Хомякова — автора «Семирамиды» («Записок о всемирной истории») — незаслуженно не упоминается при перечислении имен исследователей в области философии истории (И. Гердер, О. Шпенглер, А. Тойнби, А. Хантингтон). Для философов русского происхождения в подобных изданиях в лучшем случае делается исключение для высланного в США в 1922 г. Питирима Сорокина.

Второй подход к проблемам массовой коммуникации А.С. Хомяков совершил, проводя семиотическую по сути линию нескольких взглядов на персонаж (так называемая «точка зрения» автора, знак-символ, код сообщения). Речь идет об его знаменитом стихотворении «Иностранка». Оно критиковалось В.Г. Белинским, а затем Н.А. Бердяевым за рассудочность, которая якобы не свойственна лирическому выражению автором своих чувств. Но и сам А.С. Хомяков понимал это, так как подобная рассудочность, «остраненный взгляд» был своеобразным авторским кодом коммуникации. Впоследствии подобные приемы широко использовались в художественной коммуникации представителями формальной школы искусства и литературы как у нас в стране, так и за рубежом.

Наконец, мало исследованы взгляды А.С. Хомякова, касающиеся неременной диалогичности коммуникации, направленной на поиск или уточнение истины. Творческий диапазон этой диалогичности русский философ и публицист определял очень широко: от официально-деловой, научной и художественной формы до неофициальной и смеховой. Диалогичность, по его мнению, не может существовать без создания естественной и гармоничной среды общения, а сообщение людей существует и на макроуровне (как деятельностный диалог обществ, культур и цивилизаций), и на микроуровне (как беседа или спор отдельных граждан общества, объединенных общими интересами групп). В обоих случаях в ходе диалога, беседы или спора должна проступать истина, обозначаться нравственная

позиция, проявляясь побуждение к нравственному действию. В сконцентрированном виде взгляд на эффективность коммуникации вследствие ее диалогичности и смешения официального и бытового пластов речи, т.е. «логического» и «жизненного» содержится в предисловии А.С. Хомякова к первой книге журнала «Русская беседа» (апрель 1956 г.). Вся короткая история издания журнала — предметный показ методов ведения диалога, беседы, проведения коммуникации ради выпестовывания истины, поиска правды. Ради выражения идеи *собрания, собора* «не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого... единства во множестве» [7. С. 151].

Кстати сказать, здесь снова можно вспомнить пример из китайской философской и общественной мысли. В ней существовало на протяжении III—V вв. такое течение, как «цинъ тань» — «чистые беседы» и связанные с ним формы философской дискуссии. Традиция «цинъ тань» сложилась в условиях падения авторитета конфуцианства, распространения идей даосизма и буддизма. Для этого течения были характерны и апология личной независимости, и попытки соединения идеалов внутренней свободы с ценностями чиновника-конфуцианца. «Чистые беседы» проходили в кружках духовно близких людей, которые проповедовали тот или иной образ жизни личным поведением. Для письменной традиции были характерны короткие полемические эссе. В этой традиции было два направления. Первое занималось в основном проблемами человеческой природы и оценки качеств личности. Ко второму направлению «чистых бесед» можно отнести «учение о сокровенном» («сюань сюэ»). Оно проповедовало принцип соединения государственной службы и соблюдения внешних условностей с внутренней свободой. В «чистых беседах», где присутствовал «хозяин» и «гости», обсуждения часто принимали форму состязания в красноречии [9. С. 433].

Понятие «коммуникация» в смысле широких историко-цивилизационных связей (в диахронном аспекте) и социально-экономических (в синхронном аспекте) употреблял и В.С. Соловьёв. Он писал: «Как жизнь физиологическая невозможна без обмена веществ, так жизнь общественная невозможна без обмена вещей и знаков — их представляющих (выделено нами — В.Б.)» [10. С. 438]. И далее философ размышляет о частом превращении *обмена* вещами и знаками в *обман*, что и должно являться объектом исследования нравственной философии. Именно с точки зрения последней знаковая коммуникация, в том числе и в области социально-гуманитарного знания, реже рассматривается в трудах западных теоретиков массовой коммуникации, чем с позиций сугубо технологической эффективности и позитивизма. «Все обман, кроме трех вещей, достойных признания: 1) духовно пробудившегося человека, 2) слова пробуждения и 3) братства пробужденных» [10. С. 309]. Эти три вещи философ выделяет в древнем буддизме — первой сохранившейся ступени человеческого универсализма, которая поднялась над исключительным национально-политическим строем религии и общественности. Как пишет Н.В. Мотрошилова, «ярко заявленная Соловьёвым идея о кризисе по-

зитивизма — это была очень мощная *российская* идея» [11. С. 146]. Но, как пишет далее этот автор, хотя подобные славянофильству высказывания о миссии русского духа и русского народа у Соловьёва встречаются, он в рассуждениях о связи кризиса западной философии с кризисом западной цивилизации имеет в виду и Россию. С его точки зрения, западная цивилизация и ее кризис «представляет или выражает общечеловеческую историю». В «Трех силах» он говорил о вере в великое историческое призвание России, но там же у Соловьёва идет речь и о рабском состоянии народа, жалком положении России в экономическом и другом отношении [10. С. 147].

В.С. Соловьёв отмечал тенденции разложения не только западной цивилизации, он говорил о разложении цивилизации вообще, как только она теряет способность приводить в целостность различные элементы своего существования. Организм — и социальный, и исторический — дифференцируется и атомизируется. Атомизм, разобщение в жизни, отсутствие цельности, единства и заставляло В.С. Соловьёва настойчиво выдвигать принцип Всеединства. Философ в этом плане предвосхищал феноменологические работы Э. Гуссерля, в которых глубоко обсуждается все тот же, подмеченный еще В.С. Соловьёвым атомизм социального бытия, проблемы специализации наук, забвение целостного человека, человеческой идеальности, духовности. В западной теории массовой коммуникации, как логической ветви развития западной рациональности, также утрачивается, на наш взгляд, эта человеческая идеальность, духовность.

Именно этим принципам человеческого бытия были посвящены главные сочинения еще одного русского философа П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины» и «У водоразделов мысли», а также некоторые другие, как, например, «Автореферат». Занимаясь в целом глубокими метафизическими проблемами, он также разрабатывал в них учение о знаках, новизне и оригинальности информации, предвосхищая идеи семиотики и теории информации, от которых неотделима теория МК.

Таким образом, теория массовой коммуникации в том виде, в котором она складывалась и развивалась на Западе, не должна была пройти мимо открытий и обоснований и российской, и восточной науки. Только, к сожалению, процесс этот на Западе осуществлялся более последовательно и не так идеологизированно, как, например, в нашей стране.

С обращением наших общественных наук к общечеловеческим достижениям и ценностям важно, наконец, выстроить исследования в области теории МК в соответствии с едиными методологическими принципами. Разнобой в них не должен мешать конкретной журналистской работе, не должен позволять усиливаться негативным последствиям МК, а системность исследований должна помогать осуществлять массовую коммуникацию в общекультурных и высокогуманных целях.

Отгалкиваясь от лекций цитировавшейся нами Н.В. Мотрошиловой, необходимо сделать вывод о том, что философствование, включая и область теории массовой коммуникации, не должно быть связано с обязательным поиском конкури-

рующих первоначал. Оно должно опираться как раз на *совместность, синхронность, взаимодополнительность поисков философов и мыслителей разных эпох, стран и народов*. В этом и есть дополнительный смысл и соловьевского понятия Всеединства, и славянофильского понятия Соборности. А теория массовой коммуникации являлась и является открытой системой, что должно служить основой ее дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Августин Аврелий*. О христианском учении // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья. В 2 тт. — СПб.: РХГИ; Амфора. ТИД Амфора, 2008.
- [2] *Мясников В.С.* Антология хитроумных планов. — URL: qalaktik.org.ua.
- [3] *Землянова Л.М.* Современная американская коммуникативистика. — М.: Изд. МГУ, 1995.
- [4] *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х тт. Т. 1. — М.: Наука, 1991.
- [5] *Киреевский И.В.* Сочинения в 2-х тт. Т. 1. — М., 1911.
- [6] *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество. — М., 1992.
- [7] *Хомяков А.С.* Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Русская философская мысль. Хрестоматия. — М., 2004.
- [8] *Березин В.М.* Коммуникация как сообщение и разобщение личностей в контексте социологии и публицистики А.С. Хомякова // А.С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист: Сб. ст. по материалам Международной научной конференции, состоявшейся 14—17 апреля 2004 г. в г. Москве в Литературном институте им. А.М. Горького. В 2-х тт. Т. 2. — М., 2007.
- [9] Китайская философия. Энциклопедический справочник. — М.: Мысль, 1994.
- [10] *Соловьёв В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // В.С. Соловьёв. Соч. в 2 тт. Т. 1. — М.: Мысль, 1990.
- [11] *Мотрошилова Н.В.* Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). — М.: Республика; Культурная революция, 2007.

LITERATURA

- [1] *Avgustin Avrely*. O christianskom uc'enii // Antologija srednevekovoi myslj. Teologija i philosophia evropejskogo Srednevekovja. V 2 tt. — SPb.: RHGI; Amfora. TID Amfora, 2008.
- [2] *Mjasnikov V.S.* Antologija chitroumnyh planov. — URL: qalaktik.org.ua
- [3] *Zeml'anova L.M.* Sovremennaja amerikanskaja kommunikativistika. — M.: Izd. MGU, 1995.
- [4] *C'aadaev P.* Polnoe sobranie soc'inenij i izbrannye pis'ma. V 2 tt. T. 1. — M.: Nauka, 1991.
- [5] *Kireevskij I.V.* Soc'inenia d 2 tt. T. 1. — M., 1911.
- [6] *Bulgakov S.N.* Geroizm i podviz'nic'estvo. — M., 1992.
- [7] *Chom'akov A.S.* Neskol'ko slov pravoslavnogo christianina o zapadnyh veroispovedanijach // Russkaja philosophskaja mysl'. Chrestomatija. — M., 2004.
- [8] *Berezin V.M.* Kommunikacija kak soobs'c'enie i razobs'c'enie lic'nostej v kontekste soziologii i publizistiki A.S. Chom'akov. A.S. Chom'akov — myslitel, poet, publizist. Sbornnik statej po materialam Mez'dunarodnoj nauc'noj konaerencii 14—17 aprel'a 2004 g. v g. Moskve v Literaturnom institute im. A.M. Gor'kogo. V 2 tt. — M., 2007.
- [9] Kitajskaja philosophija. Enciklopedic'eskiy spravoc'nik. — M.: Mysl, 1994.
- [11] *Solovjev V.S.* Opravdanie dobra. Nравstvennaja philosophija // V. Solovjev. Soc'. v 2 tt. T. 1. — M.: Mysl, 1990.
- [12] *Motros'ilova N.V.* Mysliteli Rossii i philosophija Zapada (V.S. Solovjev, N. Berd'aev, S. Frank, L. S'estov). — M.: Respublika; Kulturnaja revoljucija, 2007.

MASS COMMUNICATION THEORY AS AN OPEN SYSTEM

V.M. Berezin

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moskov, Russia, 117198

The article elaborates the ways to consider the mass communication theory as an open system including modern trends enriched by national, western and eastern concepts and approaches. Focus is made on national thinkers' contribution to evolution of views on dialogue communication, on principles of stratagem thinking of oriental philosophers and their application in modern theories of mass communication.

Key words: communication, semiotics, transaction, play, stratagem thinking, social action, sobornost (rus.), culture dialogue.